

ОЛЬГА ВЕРБОВАЯ

ЛЕГЕНДЫ МОРЕЙ И РЕК

Ольга Леонидовна Вербовая

Легенды морей и рек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72269440
SelfPub; 2025

Аннотация

Знаете ли вы, что во Владивостоке живут водяные кицунэ – лисы ярко-синего окраса, с зеленоватыми глазами? Что в Оренбурге на реке появляются белые шары, которые могут исполнить любое желание? И что русалки, хоть и беспощадны, однако бывают добрыми и справедливыми, если их не злить? А ещё способны любить по-настоящему. Об этом и о многом другом вы узнаете их этой книги.

Ольга Вербовая
Легенды морей и рек

Легенда о водяной кицунэ

Когда Злате позвонили из конторы и сказали, что завтра её отправляют во Владивосток, та даже не скрывала своей радости. Ну, и что с того, что не ближний свет – неделю туда, неделю обратно? И даже неважно, что в бригаде будут всего двое: директор вагона-ресторана и она, официант. Зато какой шанс увидеть город, в котором родная мать провела свои школьные годы! Такой выпадает далеко не каждый день! А ещё – рыбка красная, икра, креветки – и всё это почти что прямо из моря! Определённо, повезло!

Ещё большим везением девушка считала встречу с Екатериной Медниковой, зампредом местного отделения "Груши". Нет, это не клуб садоводов или кулинаров, а оппозиционная политическая партия. Та самая партия, которая в разгар войны смело требовала прекращения огня и далее, естественно, переговоров о прочном мире. Сам лидер и основатель – Грушевский – пока ещё за подобную крамолу не попробовал на вкус тюремной баланды, однако в некоторых регионах "грушевцы" уже сидели – за дискредитацию армии, как гласила официальная версия. На Камчатке лидер местного отделения – Владислав Уфимцев – был приговорён к реальному сроку и готовился к этапу в тот же Владивосток.

Да и сама Медникова ходила под статьёй – в прошлом году неправильно поздравила россиян с Днём Победы, пожелав вместо пресловутого "можем повторить" сказанное котом Леопольдом: ребята, давайте жить дружно!

Будучи робкой и нерешительной, Злата всегда немного завидовала тем, кто не боится говорить правду. И самое главное – кто решается вступиться за гонимых и обездоленных. Сама в школьные годы натерпелась от одноклассников из-за очков и скромного достатка.

Собственно, она познакомилась с Медниковой из-за того самого Уфимцева. Захотела написать ему письмо и, прочитав анонс о том, что в ближайшее время в некоторых российских городах в отделениях партии проводятся вечера писем политзаключённым, связалась с "грушевцами" по указанному на сайте адресу, чтобы узнать подробности.

Ответила ей Екатерина. Потом они созвонились, и та предложила Злате встретиться, погулять по городу. От такого предложения девушка просто не могла отказаться. Смотровая площадка, с которой город видно, как на ладони, парящий в воздухе Золотой мост, остров Русский, набережная Цесаревича – всё это вблизи оказалось даже интереснее, чем рассказывала мать. Особенно заинтересовала Злату легенда о водяных кицунэ. Про многохвостых лис-оборотней из восточного фольклора она и прежде слышала, но водяная – это особый случай!

По рассказам Екатерины, эти странные создания упоми-

нались в записках японского поэта и пророка Акихиро Окамото. Эти лисы тоже жили тысячелетиями, но в отличие от "сухопутных" сородичей, имели ярко-синий окрас и не отращивали множество хвостов – за всё время у них так и оставался один-единственный. Обычно эти плутовки жили под водой, но иногда выбирались наружу и смотрели на людей зеленоватыми глазами.

– А я слышала, кицунэ опасны для человека, – прокомментировала Злата, потягивая молочный коктейль с черничным сиропом, который купила в киоске на набережной.

– Вообще-то это скорее про кумихо из корейской мифологии, – поправила Екатерина, оторвавшись от трубочки с таким же коктейлем с сиропом манго. – А кицунэ как раз бывают очень хорошими, хоть и своенравными, как все лисы. Водяные же, если верить Окамото, очень даже мирные и спокойные, если их не злить. В худшем случае, могут утащить какое-то серебряное украшение – очень уж они серебро любят. Кстати, у него как раз есть хокку-предсказание:

"Вещь водяной кицунэ,
Коснувшись морских вод,
Принесёт стране мир".

– Что, прямо так и написал? Типа как Нострадамус свои катрены?

– Примерно так. И это хокку он отнёс к нашему времени. Правда, говорят, потом он начал писать какую-то нелепицу. Например:

"Морская вода омывает золото,
Сотворённое водяной кицунэ.
Медь блестит на берегу".

– Что-то напоминает алхимию.

– В том-то и дело, что эти лисицы алхимией никогда не занимались, – ответила Екатерина. – Видимо, к старости он попросту выжил из ума.

– Жаль! А то хорошо было бы найти кицунэ, попросить у неё вещь и бросить в море. Задолбала уже эта война! Пойду, хоть помочу руки в море, – девушка решительно поднялась со скамейки и направилась к деревянному ограждению, отделявшему берег от воды.

– Туда запрещено перелезать.

– Да я быстро, туда и назад. А то обидно будет: мама школьницей любила часами плескаться в этом море, а я даже рукой не попробую.

Морская вода оказалась ласковой, хоть и холодной. Всё-таки начало мая – ещё не лето. Однако очень скоро Злата пожалела, что осмелилась нарушить правило – серёжка с зеленоватым янтарём расстегнулась и, прежде чем девушка успела заметить и схватить рукой, упала в воду, сверкнув на прощание серебряной оправой.

– Блин, что я теперь маме скажу? – огорчилась девушка.

Она сама дарила ей эти серьги на день рождения – специально подбирала камень под цвет глаз. Эх, знала бы, что так получится, не просила бы её дать поносить!

– Да, – посочувствовала девушке Екатерина. – Но я думаю, мама простит.

– Думаю, простит. Тем более у неё этих серебряных серёжек до фига… Вот уж точно водяная кицунэ утащила. Но что делать? Что в воду упало… Давай напишем открытку нашему камчатскому рыцарю, а то мне скоро на вагон возвращаться…

Впрочем, камчатским дело не ограничилось – кроме Уфимцева, Злата с Екатериной написали ещё нескольким "грушевцам", которые за свою позицию оказались за решёткой, чтобы перед отправлением поезда забежать на почту у вокзала и отправить по адресам.

***

– Извини, мам, в рыбный уже забежать не успела. А ещё серёжку твою посеяла.

– Ну, что ж, посеяла и посеяла. Давай разбирай вещи, мой руки, а я пойду разогревать обед.

– Хорошо, – рассеянно пробормотала Злата, невольно уставившись на хлопотавшую в кухне мать.

Она вдруг увидела торчащий из-под халата матери ярко-синий хвост.

"Золото, сотворённое водяной кицунэ". А ведь мать жила во Владивостоке и со школы интересовалась японской культурой. Что если она знала о пророчестве и родную дочь назвала Златой отнюдь не случайно?

Русалка

Неумолимые волны всё больше свирепели, чуя желанную добычу. Солёная вода забивалась в нос и в рот, фыркать и отплёвываться уже не было сил. Не было их и на то, чтобы, работая руками и ногами, плыть к берегу, который, к слову сказать, был не так уж и близко. Чёрт же дёрнул меня отправиться на морскую прогулку с Петькой! Мы уже не раз ссорились из-за его вспыльчивого характера, даже временами была мысль с ним расстаться, однако примирение после ссоры, не менее бурное, всякий раз сводило этот порыв на нет. Но теперь хватит – больше я не побегу первая с ним мириться. И даже если сам попросит прощения – не прощу. Если, конечно, останусь жива, во что мне теперь уже верилось с трудом.

А ведь начиналось всё просто сказочно: море, солнце, объятия на палубе, вино. Первый тост был за любовь, потом Петя предложил выпить за нашу победу в специальной военной операции. Я ему возьми да скажи: "Давай лучше выпьем за мир!" Что тут началось? Оказалось, что я и стерва редкая, и враг России, и падшая женщина. "Сейчас я научу тебя Родину любить!" – последнее, что я слышала от любимого человека, прежде чем мои ноги, подталкиваемые его грубой силой, взметнулись в воздух и перемахнулись через перила, увлекая тело вниз – в бушующие морские воды.

Вот и всё, закончилась сказка! Во всех смыслах. Прощай, белый свет! Сейчас воды сомкнутся над моей головой и…

Вдруг какая-то сила схватила меня за руки и быстро потащила по направлению к берегу. Может, мне показалось? Но нет, не показалось – в следующую минуту я увидела свою спасительницу. Совсем ещё молодая девчонка с прямыми чёрными волосами. Её лицо показалось мне смутно знакомым. Надо же, какая сильная! Спортсменка, наверное. Сама я уже не могла плыть, даже с трудом держала голову над водой. Девушка же, напротив, держалась и тащила меня так уверенно, словно вода была её стихией. Видимо, и вправду имеет разряд по плаванию. Спасибо тебе, родная! Век за тебя Бога молить буду!

Наконец, мои ноги почувствовали твёрдое дно, и моя спасительница меня отпустила. Я принялась горячо благодарить девушку, которая, казалось, даже ничуть не устала – будто не утопленницу на себе тащила, а просто за руку с подружкой прогуливались.

– Да ладно, Ленка, не за что! – ответила она знакомым шепелявым голосом, который я бы точно ни с чем не спутала.

Два года за этот голос издевались над Анькой Свиридовой, которая пришла к нам в класс в середине последней четверти. Причём девчонка сама по себе была неплохая, и я уверена, одноклассники в большинстве своём не питали к ней особой антипатии. Да никто из них до этого как-то не проявлял жестокости. Кроме двух: Оксанки Демяшевой и Наташки Крюковой – неразлучных подружек, которые, сколько я помню, всегда рады были рады над кем-то поиздеваться

или посмеяться над чужими страданиями. Девочка с дефектом речи оказалась для них идеальной жертвой. Остальные же издевались над Свиридовой скорее в угоду им – чтобы не быть белыми воронами. Когда я села с Анькой за одну парту, тоже стала в их глазах "дефективной", меня тоже стали гнобить, правда, не так жёстко, как её. Сначала мы обе думали: перебесятся и успокоятся, однако ошиблись. В десятом классе за Анькой неожиданно начал ухаживать Антон Васин из параллельного класса. Та поверила его словам, а потом… Оказалось, он был влюблён в Демяшеву, и она подговорила его "прикольнуться над этой шепелявой". Признавшись ему в любви, Анька узнала от хохочущих одноклассников, что это был розыгрыш, и что на самом деле никто её, такую дефективную, в жизни не полюбит.

Анька убежала, и больше её никто не видел. Вскоре на берегу моря нашли её одежду и предсмертную записку. Стало ясно, что несчастная утопилась сама. Её самоубийство отнюдь не заставило одноклассников раскаяться в содеянном – Демяшева и Крюкова, наоборот, ржали, что "круто сделали Свиридову", а Васин… Он злился, что Демяшева так и не согласилась с ним встречаться – мавр сделал своё дело и был уже не нужен. Он первым и ушёл вслед за Анькой. Пошёл купаться и пропал. А через неделю море выбросило его разбухший труп. Как только он умудрился утонуть? На физкультуре по плаванию всегда был самым лучшим. Потом та же участь постигла Демяшеву. А ведь она тоже плавать

умела. Крюкова после этого как с катушек слетела – стала бояться даже подходить к морю, говорила, что это Свиридова с того света всем мстит. Но в итоге кара и её настигла – не прошло и месяца, как она утонула дома в собственной ванной. Другие одноклассники вроде не пострадали, но ещё долго боялись: кто следующий? Даже я, не сделавшая Аньке ничего плохого, первое время не решалась лишний раз зайти в воду.

И вот эта утопленница передо мной собственной персоной.

– Анька, это же ты…

Она не ответила – только нырнула в воду, оставив после себя кучу брызг. На мгновение на поверхности показался рыбий хвост, который почти тут же исчез под водой.

Белые шары

Вот и осень! Такая прекрасная и печальная пора! Граф Пётр Петрович Разумовский стоял у окна, задумчиво глядя, как ветер шевелит кроны деревьев, стряхивая с них золотые и багряные листья. Как хорошо, что окна его нового дома выходят на городской сад. Пожалуй, единственная отрада в этом чужом городе – Оренбурге.

А какая красота сейчас, должно быть, в Петербурге, в Летнем Саду! С детства он любил там гулять, шагая по разноцветному ковру из листьев. Осенью особенно хорошо сочинять стихи и мечтать о будущем. О том будущем, когда

все люди станут свободными и если кто кому будет прислуживать, то лишь по собственной воле. О том будущем, где нет места тирании, самодержавию, тюрьмам и острогам. Где мысль человеческая и язык вольны, словно птицы, и каждый может сказать то, что сочтёт нужным, не трепеща перед Третьим отделением канцелярии Его Величества. Впрочем, когда не станет крепостного права, самодержавие само уйдёт, как уйдёт рабство духа, ибо, став свободными, люди не пожелают мириться с тиранией, и государю ничего более не останется, как попридержать свои властолюбивые амбиции. И государь не так глуп, чтобы этого не знать. Оттого и держится за крепостничество, как за святыню какую.

Собственно, эти мысли и привели графа Разумовского в Оренбург.

– Ты бы, Пётр, не шибко в речах вольнодумничал, – посоветовал ему как-то его кузен Павел, человек осторожный и рассудительный. – А то ж и в Сибирь могут сослать.

Разумовский и сам понимал, что могут. Однако замолчать, позволив собственному страху сделать себя несвободным, казалось ему ужаснее самой лютой каторги. Правда, стихи о далёких и прекрасных временах, наступления которых он желал всей душой, он подписывал псевдонимом – Пётр Свободолюбцев. Только эта малая предосторожность ему не помогла. Что ни говори, а Третье Отделение не зря от государя своё жалование получает. И вот теперь он здесь. Не в Сибири, конечно, но всё же вдали от родных мест, от семьи,

от друзей. Впрочем, друзей у него теперь осталось немного. Не всякий захочет знаться со ссыльным вольнодумцем. Высший свет почти весь от него тут же и отвернулся. Бывшие крепостные, а он им дал вольную сразу, как только получил в наследство поместье отца, оказались благороднее. Разумовский помнил, как плакали они, когда расставались с ним, обещали молить Бога о его здравии и скором возвращении. Некоторые и вовсе с ним поехали. Да благословит их Бог!

Неожиданный стук в дверь отвлёк Разумовского от мыслей.

– Да, войдите, – отозвался граф.

Дверь открылась, и в кабинет, запыхавшись, вбежал, спешно кланяясь, конюх Никита.

– Не извольте гневаться, барин! – начал он с порога. – Ко мне Миколка, братец меньшой приехал, говорит, батюшка совсем плох, помирает, поди, повидать меня перед кончиной хочет. Прошу Вас, отпустите меня на денёк-другой с батюшкой проститься, век буду Бога за Вас молить!

– Да, конечно, Никита, ступай к батюшке, – ответил граф после некоторого замешательства.

– Благослови Вас Бог, барин! Батюшка-то мой, как матушку схоронил, хворать частенько стал. Любил он её очень! И ведь, когда матушка хворой лежала, шары белые увидел, просил у них, чтобы поправилась матушка моя. Да только не исполнили они просьбы – всё одно померла.

– Белые шары? – вскинул брови Разумовский. – Совсем,

видать, от горя умом повредился.

– Обижаете, барин, – ответил Никита, но в его словах не было обиды. – С умом-то у батюшки моего всегда всё ладно было. Неужто не слышали про белые шары? Они на речке порой появляются, можно у них попросить, чего желаешь. Коли Вам будет угодно, барин, я Вам опосля про них расскажу, а сейчас, не обессудьте, к батюшке спешить надобно.

– Ступай уж, голубчик. А про шары я и вправду ничего не слышал. Расскажешь тогда, как воротишься.

Поклонившись, Никита вышел из кабинета, оставив графа в лёгком недоумении. В Оренбург он приехал недавно, всего несколько месяцев назад. Тогда была поздняя весна, когда деревья уже покрылись зелёными листьями. Поэтому глубокими познаниями в местных легендах он похвастаться никак не мог. А уж белые шары, у которых можно о чём-то попросить, для него и подавно были новостью. Чего только народ не придумает!

Вскоре в дверь снова постучали, и граф снова разрешил пришедшему войти. Это была кухарка Алёна.

– Кушать подано, барин!

– Благодарю! – отозвался Разумовский.

Он отложил столичную газету и уже хотел было идти, но что-то остановило его, и он окликнул кухарку:

– Скажи, Алёна, ты родилась на этой земле, видимо, и легенды местные знаешь. Должно быть, слышала что-нибудь про белые шары.

– Разумеется, слыхала, барин, – бойко и охотно заговорила Алёна. – Они порою на речке появляются. Ежели увидишь их, можно о чём хочешь попросить.

– И что же, многим доводилось их увидеть? – поинтересовался граф с некоторой иронией в голосе.

– Немногим, барин. И никто не может знать, когда они появятся. Они же своенравные такие – то чуть ли не каждый день по реке плавают, а то по несколько годков их не видать. Когда в следующий раз кому увидеть их посчастливится – никто не ведает. Однако Дарьюшке, подруге моей, повезло. Своими вот глазами видела, вот как Вы меня сейчас. Она тогда как раз Васютку родила. А Васютка захворал тяжко, – кудахтала Алёна, словно квочка, сложив руки на переднике – Дохтур головой качал, говорил: не жилец. Дарьюшка-то совсем отчаялась, на речку побежала, молясь, чтобы шары эти увидеть. И вот чудо – увидала она их. Прямо в речке плавают, самые разные, и большие, с лошадь величиной, и маленькие, с чашку чайную. Прокричала она тогда: желаю, чтоб Васютка мой живёхоньким остался! Что хотите, мол, со мной делайте – хоть убивайте, но дитятко спасите. Говорит потом, шёпот услыхала, будто из самой речки: троекратное да, – она и сама вдруг перешла на шёпот. – Вернулась она домой, а у Васютки жар и лихорадка спадать начали. А дня через три на поправку пошёл. Сейчас Васютке уже пятый годок, живёхонек-здоровёхонек и ничем с тех пор и не хворает, слава тебе, Господи! И ведь повезло так повезло! А то могли бы

они Дарьюшку-то сгубить, да не сгубили, пожалели. А Вам, барин, зачем про шары эти? – однако тут же спохватилась и виновато потупила глаза в пол.

– Ничего особенного, просто уж больно любопытная легенда. Так что же, – удивился Разумовский. – Шары эти и погубить могут?

– Ещё и как могут, барин! – снова оживилась Алёна. – Они могут так просто просьбу исполнить, могут исполнить да погубить, а могут и не исполнить. А могут и просьбу не исполнить, и жизнь забрать. Слыхали, что с помещиком Кирилловым сталось?

– Нет, не слыхал, но буду признателен, если расскажешь.

– Ох, барин, история-то была такая, получил он батюшкино наследство, молодой, ветреный, до удовольствий всяческих охочий, да проиграл в карты. Да добро бы только наследство промотал, как ещё и в долги залез такие, что упаси Боже! Ему бы остепениться да за ум взяться, а он всё по кабакам свою печаль стал глушить. И вот возвращался этот Кириллов из кабака, хмельной да отчаянный, через речку в карете ехал да шары белые-то и увидел. Сказал кучеру своему Еремею: "Пожелай, чтобы я денег нашёл да с долгами своими рассчитался". А Еремей-то ему и говорит: "Нет, барин, не посмею. Вдруг эти шары, чего доброго, убьют меня до смерти, а у меня деток малых двое, да ещё жинька третьего ждёт, как я их всех сиротками-то оставлю?". Помещик ему: "Делай, каналья, что велят, а не то выпороть прикажу!".

Да только Еремей этот шаров страшится пуще гнева барского. "Хоть до смерти, барин, меня запорите, а просить ни о чём не стану. Шары-то, небось, бесовские, ещё и душу, того гляди, заберут. Коли помирать, то лучше уж как христианин". Понял тогда Кириллов, что ничего ему от кучера не добиться, велел остановиться, вышел из кареты да и прокричал своё желание: разбогатеть, чтобы и с долгами рассчитаться, и опосля жить не тужить. Да только жить-то ему более не суждено было – тотчас же стал воздух ртом хватать, а потом и вовсе замертво упал, – она быстро перекрестилась три раза. -Вот Еремей своими глазами видел. Сам насилу разума со страху не лишился. До конца жизни к реке лишний раз подойти боялся.

– Так этот Еремей, может, сам же и задушил барина, – предположил Разумовский, при этом его поза в кресле сменилась из расслабленной на заинтересованную. – А потом и про шары рассказывал, чтоб отвертеться.

– Да не мог он барина-то удушить, – возразила Алёна. – Всяк, кто знал его, говорил, тихий был, смирный, мухи не обидит. А уж человека-то погубить, пускай и такого никчёмного, рука бы не поднялась. Не таков был Еремей! Да и полицмейстер, что дело расследовал, уж такой дотошный попался – ни муха не проскочит, ни комар не пролетит. Кабы Еремей что худое с барином сотворил – ни за что бы не отвертелся.

– Стало быть, если желание благородное, то шары и не

убьют?

– Не скажите, барин! Вот у моей подруги Настасьи прабабка – её тоже Настасьей звали – по молодости с офицером согрешила. Давно это было, тогда ещё Емелька Пугачёв был жив. Заморочил он девке голову, наплёл ей с три короба про вечную любовь, обещал жениться да в Петербург увезти. Натешился с нею вволю да и пропал – только его и видели. А девка-то забрюхатела. Батюшка её как узнал, разгневался шибко, выпорол. Да только сделанного-то уже не исправишь. И выгнать жалко. Одно и оставалось, что о чуде молиться – чтоб дочку его, хоть и порченую, хоть и с дитём, а кто-то замуж взял. А однажды батюшку её возле речки бездыханным нашли. Отчего помер – Бог ведает. Вроде бы задохся. Да только Настасья через годок замуж вышла – за Дмитрия, прадеда моей подружки. Любил он её очень и ребёночка как своего принял.

– А шары-то тут причём?

– Да говорят, в тот день, когда его тело нашли, люди эти шары на реке видали. Чай, и батюшка Настасьин их увидал да попросил, чтобы замуж его дочь вышла. А они просьбу-то исполнили, а самого загубили.

– Любопытные у вас легенды! – заметил Разумовский.

– Ступайте обедать, барин, а то ж ведь всё остынет.

– Ах, да, с этими шарами я уже было и про обед забыл. Спасибо тебе, Алёна!

– Рада стараться, барин.

***

После обеда Разумовский любил прогуляться. В Петербурге излюбленным местом прогулок был Летний Сад. Здесь же душа поэта выбирала реку, переименованную волей императрицы Екатерины из Яика в Урал. Медленно текущая вода успокаивала взбудораженный ум, заставляла на время забыть о горестях и несправедливостях этого мира. Но в этот раз разговор с Алёной не выходил у него из головы.

"Интересно было бы посмотреть на эти шары", – думал граф, неспешно прохаживаясь по дорожке городского сада.

Листья шуршали под ногами. Разумовскому вдруг подумалось, что когда придёт его смерть, похоронят его на этой земле, и листья так же нападают на его могилу, укрывая его пёстрым одеялом.

"Но отчего же я думаю о смерти сейчас, когда мне ещё нет и тридцати?" – испугался он вдруг собственных мыслей.

Конечно, участь изгнанника и тоска по родным местам тяготила его душу, но ведь и в ссылке люди живут и порой даже довольно долго. И немало тех, кто, в конце концов, привыкают к тому месту, где оказались пусть и против своей воли, привязываются к людям, которые там живут. Оно становится если не родным, то, по крайней мере, частью их жизни.

"Это Вы, Пётр Петрович, бросьте!", – так говорил покойный отец, строго сдвинув брови, когда маленький Петруша начинал шалить.

"Вы правы, отец! – ответил Разумовский мысленно, слов-

но говорил с его душой. – Не дело это – думать о смерти раньше, чем она за тобой придёт. Но если мой век не такой уж и долгий, я приму это со смирением. На всё воля Божья".

Однако мысли о том, что его смерть, возможно, придёт за ним очень скоро, почему-то не оставляли графа. И он, сам не зная, что с ним происходит, старался надолго задержать взгляд на покрытых золотом и красным бархатом деревьях, словно завтра он может уже не увидеть этой красоты.

Чтобы не думать лишний раз о смерти, он решил сосредоточиться на загадочных белых шарах. Сам он их, естественно, ни разу не видел. Да и существуют ли они на самом деле? Вряд ли. Скорее, придумал кто-то для красного словца, и теперь легенда о них передаётся из уст в уста. Тем паче, если уста, как у Алёны. Уж она большая охотница до всяких сказок. Что-то услышит, что-то от себя добавит – и получится такая история, что любо-дорого слушать. Пускай и далека от правды – главное, чтоб красиво было. Никита, конечно, не таков – серьёзный и в сказки не особо-то и верит. Но отец его, опечаленный болезнью любимой супруги, вполне вероятно, то ли горькой выпил, то ли от бессонных ночей утомился. А тогда уж не то что шары какие-то – сам чёрт померещиться может.

Наконец, дорожка вывела его на широкую, вымощенную булыжником, мостовую, а оттуда – прямо на набережную. Но что это? Разумовский подумал, что зрение его обманывает. На самой середине реки вдруг показалось что-то белое.

Чуть ли не бегом он кинулся на мост, чтобы получше разглядеть, что это такое. И остановившись на середине, чуть не вскрикнул от изумления. По реке плыли белые, полупрозрачные шары. Самые разные – от огромных, внутри которых могло бы поместиться два человека, до маленьких, которые сами уместились бы на ладони. Белые шары! И он собственными глазами их видит! Но ведь он-то точно сегодня не пил. И с ума ещё, слава Господу, не сошёл. Значит, всё правда!

Как завороженный, смотрел граф, как по водной поверхности медленно плыли эти странные лёгкие пузыри. Они могут выполнить просьбу. А могут и убить. Так значит…

– Пусть же крепостное право исчезнет! – возгласил Разумовский. – И люди станут свободными!

Ему показалось, что его словам сейчас внимала не только река с плавающими в ней шарами, но и вся Вселенная. Неожиданно стало так тихо, словно время остановилось, и все звуки замерли. И среди этой тишины граф услышал тихий, едва различимый шёпот: да! да! да! – словно раздавшийся из самой реки.

Внезапно граф почувствовал, что не может вдохнуть. Его лёгкие словно окаменели, отказываясь принять хоть немного воздуха. А тот, что в них ещё оставался, неумолимо уходил. Он попытался было поймать воздух ртом, но всё было тщетно. Не в силах больше держаться на ногах, Разумовский упал навзничь. Голубое небо с пушистыми облаками расплы-

валось в глазах, в дымке стали вырисовываться силуэты… Отец, мать, младшая сестричка Анечка, умершая в пять лет от лихорадки, старая няня Ирина Васильевна.

– Иди к нам, Петенька! Иди к нам! – звали его к себе их голоса.

– Барин, что с Вами стряслось? – Разумовский вдруг увидел над собой лицо своего слуги Макара.

Суетливой рукой тот расстегнул графу плащ, ослабил воротник. Однако Разумовский понимал, что все старания его слуги напрасны. Собрав остаток сил, он улыбнулся и прошептал:

– Они сказали: да. Крепостного права не будет!

***

Когда я отправляла свой рассказ на конкурс "Мы живём в России", я ни на что особо не надеялась. Всё-таки на семинар попадут, наверное, более сильные писатели, выпускники литературных институтов. А что я? Закончила экономический, работаю бухгалтером. А писательством занимаюсь в свободное время. Царапаю стишки-рассказики и в интернете на литературных сайтах размещаю. Несколько раз пробовала на сетевые конкурсы отправлять – даже там в финал очень редко выходила. Чего уж тогда говорить о конкурсах такого уровня? Но полученное по емэйлу сообщение меня удивило и обрадовало. Мой текст прошёл отбор, и меня приглашают на литературный семинар в Оренбург. Туда, куда в своё время был сослан двоюродный брат моего прадеда – граф Пётр

Разумовский. Однако прожил он там всего несколько месяцев и умер совсем молодым. Двадцать восемь лет ему было. Жениться не успел, потомства не оставил. Его двоюродному брату Павлу, моему прадеду, повезло больше – дожил до восьмидесяти пяти лет, оставил после себя двух сыновей и трёх дочерей, и от всех их успел внуков понянчить. Правда, последние годы провёл в маразме.

Младший сын графа Андрей Павлович – мой прадед – также оказался не менее плодовитым. Правда, прожил не очень долго и не успел застать Октябрьскую революцию. А вот его младшему сыну – Петру Андреевичу и его жене Вере Алексеевне горя хлебнуть пришлось немало. Петра Андреевича большевики обвинили в контрреляционной пропаганде и расстреляли. Веру Алексеевну, тогда ещё беременную моим дедушкой, отправили в АЛЖИР как жену изменника Родины. После освобождения, а это случилось незадолго до Великой отечественной, она познакомилась с Василием Костиковым. Его не смутило ни клеймо изменницы, ни то, что она одна ребёнка воспитывала. Однако недолгим было их счастье. В начале войны Василия на фронт забрали, и под Сталинградом он погиб как герой, оставив мою прабабушку вдовой. Больше она замуж не вышла – так и растила одна моего дедушку. Однако, по рассказам деда, никакие трудности и несчастья не озлобили её сердца. Когда-нибудь я непременно напишу и про неё.

Но сейчас мои мысли как писателя-любителя занимал

именно кузен моего прадеда, он же поэт Пётр Свободолюбцев, чьи стихи запросто могли разгневать не только помещиков-крепостников, но и самодержавца. Пожалуй, этот граф-поэт бы запросто мог конкурировать с Радищевым за прозвище "бунтовщик хуже Пугачёва". Да и смерть его была уж очень загадочной. Ничем не болел и вдруг задохнулся прямо на мосту через реку Урал. Может, недоброжелатели и в ссылке добрались до него и отравили? Но зачем? Или сам не вынес удара и незаслуженного позора и убил себя? Но слуга, что был с ним рядом в смертный час, душой клялся, что графа погубили белые шары. Есть у них в Оренбурге легенда такая. Будто на реке белые шары появляются и могут желание любое исполнить. А могут и не исполнить. Могут исполнить, но убить просящего. А могут мало того, что желания не исполнить, так ещё и убить. И вот граф Разумовский будто увидел эти шары и попросил у них отмены крепостного права. За это и поплатился жизнью. Слуга божился, будто граф холодеющими губами прошептал, будто шары сказали ему: да. А через полтора года Александр Второй освободил крестьян от крепостной зависимости. Естественно, я не поверила в какие-то шары. Всё-таки уже в двадцать первом веке живём. А что касается слуги, который якобы видел их своими глазами, ну, так если бухать, то и белые шары померещатся, и чёрные, и серо-буро-малиновые! Однако упускать такую интересную легенду я как автор отнюдь не собиралась – описала последние дни жизни своего далёкого

родственника так, словно белые шары – не выдумка, а объективная реальность. Погибнуть за освобождение крестьян – это всё-таки звучит красивее, чем просто задохнуться по непонятной причине.

Словом, пригласили меня в город, славный пуховыми платками и пугачёвским бунтом. Проживание и питание пообещали оплатить. А вот добираться, извините, это самим. Да, и тест прежде надо сдать на корону, прислав организаторам отрицательный результат. С последним, по счастью, проблем не возникло – через три дня в медцентре меня обрадовали: ковид не обнаружен. Тогда я написала, что приеду, и купила билеты. В Оренбург я решила ехать на поезде, а обратно – на самолёте.

Когда я сообщила в общей рассылке, во сколько буду на месте, мне пришло письмо от поэта Александра Ленского, участника того же семинара. Оказалось, он едет на том же поезде, правда, в другом вагоне. Так что вечер прошёл нескучно. Пришла к нему в купе с конфетами, фруктами, у Саши был припасён коньяк. Выпили за знакомство и за будущие творческие успехи друг друга, закусили. Потом я ушла к себе.

В Самаре поезд стоял около часа. Там часть вагонов отцепили от состава и прикрепили к поезду "Самара-Оренбург", остальные же отправились дальше в Челябинск. Хорошо, меня предупредили, когда я выходила из поезда, а то искала бы свой вагон до Второго пришествия! Словом, вышла я, прогу-

лялась по окрестностям Самары-городка, купила пару коробок местных конфет родным в подарок, забежала на почту, чтобы отправить письма Кириллу Жукову и Косте Котову, которые успела написать прямо в поезде; вспомнив про ближайший день рождения Даниила Беглеца, взяла открытку с видом Самары. Я давно переписываюсь с политзаключёнными. Хотя мама с бабушкой всё пытаются предостеречь меня:

– Допрыгаешься, Ася! Внесут в список экстремистов и террористов, а то и вовсе упекут. У тебя и так уже административка, угомонись уже!

А административка у меня, к слову сказать, не за переписку с политическими заключёнными, а за собственное вольнодумство – формально, за участие в несогласованном митинге. И штраф, который мне по этому делу назначили, я уже давно заплатила. Но естественно, так просто мириться я несправедливым приговором я не собираюсь, несмотря на то, что апелляционная инстанция оставила приговор без изменения. Есть ещё кассация, есть ещё ЕСПЧ, в конце концов. Так что, любезные судьи, прокуроры, росгвардейцы и прочая им подобная публика, так просто вы с Александрой Костиковой не разделаетесь! Может, за переписку с вольнодумцами нашего времени у меня и будут неприятности, но я не могу, не хочу лишить их моральной поддержки, а себя – удовольствия общаться с истинно свободными людьми. С теми, которые и за решёткой остаются свободнее нас всех. Собственно, из-за них я и начала писать рассказики, сказоч-

ки, иногда в стихотворной форме. Хотелось их развлечь, а ещё – запечатлеть их шикарные образы в сказочных героях – отважных рыцарях, благородных принцах, волей судьбы попавших в лапы троллей и всяких злых волшебников. Однако, в конце концов, как и положено в сказках, добро побеждало зло. И мне хотелось, чтобы и в жизни именно так и случилось.

Письмо Беглецу с поздравлением на самарской открытке я отправляла уже из Бузулука, где мы стояли минут двадцать. Неудобно всё-таки в поездах письма писать – поезд дёргается, и почерк получается неровный. Да простят меня мои товарищи по переписке!

В Оренбург мы приехали поздно вечером. Вышли вместе с Ленским и направились на автобусную остановку. Оттуда доехали до хостела "Радость", разместились по комнатам.

Со мной в комнате, судя по количеству коек, должно было быть человек десять, но фактически жили мы вчетвером: Аня Новицкая из группы "Публицистика", Катя Горностаева из "Драматургии", Марина Ларькова из "Прозы" и я, ваша покорная слуга, которую организаторы определили к "Фанастам". Вот бы ещё "Поэтессу" к нам – и был бы полный комплект! А я как-то не догадалась отправить на конкурс свои стишки. Да и что там отправлять? Несмотря на робкие попытки подражать Свободолюбцеву, должна признать, что сравниться со своим далёким родственником у меня явно не получается. Как-то не особо мне представляется светлое бу-

дущее нашей Родины. Видя, как люди всеми фибрами души стремятся к рабству мысли, как восхищаются вероломными и коррумпированными тиранами и с какой неистовой злобой готовы растерзать всякого, на кого послушное тирану телевидение укажет как на врага отечества, начинаешь реально думать, что у нашей страны, у нашего народа нет будущего. Однако те, кто выходят на акции протеста, рискуя попасть в автозак и нарваться на штрафы, а то и на реальный срок, те, кто, как и я, пишут письма политзаключённым, те, кто помогают их семьям, оставшимся временно без кормильцев, те, кто приходят на судилища, чтобы показать неправедным судьям, что тем не удастся сделать своё чёрное дело по-тихому, а также журналисты, не боящиеся говорить и писать правду, правозащитники, адвокаты, – все они снова и снова оживляют в сердце надежду, что сегодняшний произвол – это временно. Россия будет свободной! Они так говорят, они в это верят, и вместе с ними хочется верить и нам, простым людям. Россия Радищева и Россия Шешковского. Остаётся только выбрать, на чьей ты стороне. Лично я по-любому предпочитаю вольнодумцев, нежели жандармов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.